

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

День рождения любимого «дедушки»

Любите ли вы дни рождения? Так, чтобы с большим тортом, разноцветными шариками и компанией лучших друзей. Да? Тогда готовьтесь. Скоро вас накроет праздничная волна. Главному вузу страны 89! Возраст, конечно, не юбилейный, но от этого не менее значимый. Что это вы приуныли от таких новостей? Думаете, придется тратить вечер на торжество для тех, кому давно за...? Наш «старичок» не из такого десятка. Он еще полон сил, поэтому танцевать будем до упаду – веселье должно соответствовать уровню именинника. А статус у нашего «дедушки» внушительный. Как-никак ПЕРВЫЙ ВУЗ страны. И это еще только начало! Ведь для университета пересечь отметку в 89 – это как для марафонца пробежать 200 метров от старта. Дистанция в реальности бесконечна. И правда, то ли еще будет. Ох, завидую я внукам. Ведь наш «дедушка», как любой успешный мужчина, с годами становится лишь представительнее, богаче, известнее. Так что поднимем пластиковые «бокалы» с апельсиновым соком (хотя можно и с яблочным – тут дело вкуса) за нашего еще совсем молодого «дедушку». И за себя. Ведь день рождения БГУ – это праздник каждого из нас.

Редактор «ЖурФАКТОВ»
Екатерина ПАНТЕЛЕЕВА

Андрей Вашкевич:
«Мой мастер-
класс – берите
и делайте!»

с. 4-5

Хранители верхней одежды:
институт с изнанки

с. 6

С журфака не выгоняют –
можно не учиться?

с. 8-9

Н.А. Зубченок:
о страхе,
«калашникове»
и украденных
сапогах

с. 10-11

В БГУ**Курс молодого бойца, или Где учатся старосты?**

На базе спортивно-оздоровительного комплекса «Бригантина» прошел IV учебный семинар «Ты староста!». Это была своего рода школа молодого бойца для всех старост-первокурсников Белорусского государственного университета. Организаторами мероприятия выступили Совет старост, Управление воспитательной работы с молодежью и Студенческий союз БГУ.

В семинаре участвовали все факультеты, за исключением Института теологии. Ребят разделили на 9 групп, в составе каждой – несколько подразделений университета. Так, например, студенты Института журналистики объединились со студентами факультета философии и социальных наук – и получилась команда «Свободная тема».

– Три дня мы ходили на семинары, тренинги и мастер-классы, где нас учили рабо-

тать со своими однокурсниками, – рассказывает **Татьяна Чернухова**, староста 1 группы 1 курса Института журналистики. – Также каждый коллектив готовил «визитку»: придумывал себе название, девиз, стиль, который отличал бы его от остальных (мы были хиппи). Очень понравились танцы в купальниках на гавайской дискотеке и ролевые игры, в которых нам нужно было получить информацию от «несговорчивых специалистов». Здорово,

что наша команда все время проводила вместе и мы нашли себе новых друзей.

Важным событием в школе старост стала пресс-конференция с руководством Белорусского государственного университета и заместителем министра образования Республики Беларусь Виктором Яжиковом, затянувшаяся на четыре часа.

После трех дней напряженной работы больше всего очков набрала команда механико-

математического факультета и факультета прикладной математики и информатики «Канибал кокос». Второй стала команда «Свободная тема». Третьими – старосты «Мафиози» с исторического факультета и факультета международных отношений.

Вероника МОЛОКОВА,
3 курс

фото <http://www.websmblv.com>

НА ЖУРФАКЕ**Студенческая жизнь на экранах**

Сэтого года студенты нашего факультета присоединились к зрителям межвузовского студенческого видеоканала «Университет-ТВ». Сначала, 21 октября, медиакомплекс установили в главном корпусе БГУ, следующим на очереди стал Институт журналистики.

Работать над проектом начали в марте 2010 года. Предложение создать телевизионный образовательный канал поддержал Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко.

Межвузовское телевидение состоит из четырех блоков, каждый из которых повторяется на протяжении дня в течение пятнадцати минут. Первый блок – информационный. Следующие

пятнадцать минут – социальная реклама и проекты. Далее на канале новости факультетов. На закуску – блок развлекательной информации и рекламы.

Работать на телевизионной кухне может далеко не каждый. От всех вузов столицы принимаются только два человека! Это, естественно, самые талантливые и ответ-

ственные. Сегодня в штате телевизионного канала всего шесть сотрудников.

Совсем скоро медиакомплексы установят на всех факультетах БГУ и в других вузах города. В планах объединить в «Университет-ТВ» не только вузы Минска, но и всей республики.

Евгения ФИЛИМОНОВА,
3 курс

В «ДЕСЯТКЕ»**Пробежки за деньгами отменяются**

Инфокиоск «Белинвестбанка» появится до конца текущего года по известному всем журфаковцам адресу Курчатова, 8. А рядом с учебным корпусом факультета радиофизики и электроники (ул. Курчатова, 5) установят банкомат.

– Сейчас в общежитии №10 проживают студенты трех факультетов: журналистики, биологического и радиофизического, – говорит **Михаил Черепенников**, директор Студенческого городка Белорусского государственного университета. – Большинство из них учатся на бюджетной основе и активно пользуются банковскими карточками «Белинвестбанка». Этим и объясняется причина

расширения сети банка на территории подразделений БГУ.

Раньше у жителей «десятки» не было возможности пользоваться своими пластиковыми деньгами, не уходя далеко от общежития. Но уже совсем скоро им не придется долго ждать автобус, чтобы съездить в близлежащие магазины и проверить, начислена ли на карточку стипендия.

Вероника МОЛОКОВА,
3 курс

Подобности бесподобных

Родных братиков и сестричек распознаешь всегда: есть у них что-то общее. И даже через много лет курносые носики и большие глаза будут так же одинаково сопеть по ночам и светиться от счастья. Такие родственные черты есть не только у людей, но и у факультетов. Например, у факультетов БГУ. И пусть в «свидетельстве о рождении» у всех «бэгэушных деток» разный возраст, братские похожести у них можно найти и без лупы Шерлока Холмса. Не верите? Тогда давайте вместе приглядимся к ребятишкам главной альма-матер нашей страны. Тем более и повод есть – День рождения БГУ. В этом году первому вузу страны стукнуло 89! А чтобы упростить работу, сравним родственников с тем, кого мы, журфаковцы, знаем лучше всего – Институтом журналистики.

Как говорится, недостача...

Филологический факультет, если вы на него заглянете, распустится перед вами всеми лепестками девичьей красоты. Чернобровые, голубоглазые, румянощекие, или наоборот, мертвевки бледные (кому какие нравятся) девушки изучают премудрости синтаксиса и грамматики. И учиться бы им, не тужить, только омрачает жизнь девиц прекрасных та же проблема, что и нас, журналисток: нехватка особой мужского пола. Только на филологическом с их количеством дела обстоят еще хуже. На несколько групп – всего лишь один-два студента. Но девушки верят, что дело не в количестве, а в качестве. И только где-то там, на задворках подсознания, возьмет да и промелькнет предательское «надо было на радиофизический поступать»...

А еще им тоже нужно читать много литературы, раза в три больше, чем на журфаке. Так что нам еще грех жаловаться.

Компьютерная жизнь

На географическом факультете, как и нашем, для студентов БГУ открыты двери в высокотехнологический прогресс. При желании все могут на часок-другой очутиться на просторах всемирной пау-

тины. И, как ни странно, больше всего по ней хотят побродить – кто бы мог подумать! – учащиеся военного факультета. В медиатеке геофака вы обязательно встретите людей в зеленой форме. Они всецело поглощены просматриванием своей страницы «ВКонтакте» или (это о тех, кто не успел заступить на интернет-вахту вовремя) ищут тоскливым взглядом лакомое местечко у монитора. Ничего не напоминает? И неудивительно, если вскоре начнет казаться, что военные студенты во всех медиатеках БГУ как будто стоят в настройках по умолчанию.

Под крышей дома...

Для радиофизиков студенты журфака – это головная боль, вечно сломанные компьютеры и вообще вся бытовая техника десятого общежития. Ведь починка, установка, тестирование подарков прогресса занимает кучу времени. Правда, платят за работу журналисты хорошо – плотным ужином или сытным обедом. Но все же ребятам, живущим по соседству с акулами пера, экрана и радио, можно только посочувствовать. Ведь журналисты обязательно при разговоре будут исправлять радиофизические «тЭрмины» на русские «тЕрмины», учить приходить к консенсусу, а не к консилиуму, громко цитировать запрещенные цензурой стихи Есенина и Пушкина... От соседства с такой творческой братией у радиофизиков сбиваются графики и формулы понимания и восприятия, рушатся все законы природы и логики... Ведь давно известно, что если журналист сильно захочет, то обязательно докажет, что Земля все-таки плоская. Зато именно благодаря радиофизикам заполняются пробелы в личной жизни многих наших девушек...

Научные эксперименты

В детстве каждый из нас мешал в песочнице кашку-малашку, а некоторые делали «дымовушки» из бумаги, смоченной в сепитре, или салют из алюминия и марганцовки. Кому-то химического опыта детства хватило. А кто-то не наигрался и поступил на **химический факультет** БГУ.

Наши факультеты, на первый взгляд, не имеют ничего общего. Но если хорошо подумать, можно найти определенное сходство. Нужно лишь вспомнить, какие эксперименты мы ставим, находясь в кромешной тьме лаборатории фотографии! Как только ни наматываем пленки на катушки, в какие растворы их ни кладем... Но самый важный эксперимент – это эксперимент над нервами Александра Сергеевича Запольского, когда он эти проявленные пленки просматривает. У половины группы один только «ужас, летящий на крыльях ночи» и получается.

А еще химики и журналисты живут и работают под одним лозунгом: «Мы хотим сделать этот мир чуточку лучше!».

Родные пенаты

Вот и добрались мы до **факультета философии и социальных наук**. Многие говорят, что нам не повезло делить с ними ОБЩИЙ корпус. Что вообще это здание строилось ТОЛЬКО для журналистов. И вообще, эти «фэфэсээнщики» такие...! Но...

Но давайте не плевать в колодец, из которого нам придется напиться. У нас есть общие проекты, общие преподаватели и, конечно же, общие еда в столовой и кофе на этажах. И так хотелось бы, чтобы вместо взаимных обвинений и оскорблений, обид и упреков у нас была общая на всех улыбка, общие уважение и порядочность. А вот гардеробы пусть остаются отдельными!

Конечно, о похожестях «бэгэушных деток» можно еще не одну сотню строк написать. Сколько таких наберется, если сравнить журфак с двадцатью одним факультетом? Понаблюдайте. И тогда вы поймете главное: не важно, на каком из факультетов БГУ и в каком году вы учились, все мы дети одной альма-матер – Белорусского государственного университета.

Татьяна КУРБАТОВА,
4 курс

На фото: главный корпус БГУ, 1960; фонтан в сквере университета, 1939; студенческий городок, 1933.

Спортивный журналист:

Закончишь журфак и станешь успешным журналистом? Не факт. Все чаще редакции штурмуют выпускники других специальностей. Но из бухгалтера не получится отличный хирург, а вот что с журналистами? Этот вопрос мы решили обсудить с выпускником иняза, корреспондентом газеты «Прессбол», пресс-атташе ФК «БАТЭ», автором блога на сайте гандбольного клуба «Динамо» Андреем ВАШКЕВИЧЕМ.

— Как тебя занесло в журналистику?

— Зимой 1997 года на форуме в очередной раз возникли споры о том, как освещается голландский чемпионат на страницах «Прессбала». Читателям газеты приходилось довольствоваться только таблицей. Я утверждал, что это позор, нужно обязательно хотя бы раз в месяц писать отчет. В итоге мне позвонил редактор Владимир Бережков и, как главному человеку на форуме по гандболу, предложил освещать эту тему. Я написал первый отчет. Дмитрий Беленький, наш заместитель редактора, остался доволен текстом. А после университета, когда нужно было определяться с местом работы, среди ряда предложений я выбрал «Прессбол». А вообще никогда не мечтал быть журналистом, может, в будущем переводчиком стану или кем-то другим.

— Наверняка после иняза владеешь несколькими иностранными языками?

— Со словарем (смеется). Английский знаю хорошо. Немецкий подзабыл, давно уже на нем не разговаривал. На голландском общаюсь гораздо лучше, чем на немецком.

— В журналистике это помогает?

— Еще бы! Особенно если ты пишешь чемпионат другой страны, нужно знать ее географию и культуру, читать первоисточники.

— А по миру удалось поездить?

— Я уже побывал в 29 странах. Больше всего впечатлили Нидерланды, на втором месте у меня Бельгия. Съездил бы еще раз в

Штаты, в Филадельфию.

— Интересно, журналистами рождаются или становятся?

— Думаю, что нельзя научить человека писать. Разве что если ты прочитал 500 хороших статей, то одну неплохую написать сам сможешь. Мне в свое время объясняли: главное – правильно расставить запятые, и чтобы все более-менее понятно было.

— А как же стиль газеты? У каждого издания ведь есть свои стилистические требования...

— У нас стиль: Лига чемпионов – «Лига» пишем с большой буквы, «чемпионов» с маленькой (смеется). Мы стараемся писать с юмором, хорошо. Оно и понятно: издание-то частное. Но мне никто не говорил, что нужно писать в стиле «Прессбала». Я пишу так, как пишу. Был ли у меня стиль? Думаю, это не самый важный вопрос, над которым стоит задумываться. Разве что в инязе меня учили заучивать штампы наизусть, а в газете штампов нужно избегать. Это не так уж сложно: нужно слушать хорошую музыку, читать книги, ходить по театрам. Я не хожу, но говорю, что надо (смеется).

— Любишь покритиковать журфак?

— Скорее, многое не понимаю, например, почему при поступлении нужно предоставлять публикации. Если человек уже печатается за деньги в настоящей газете, зачем ему еще идти на журфак? Это как если бы при поступлении в иняз сдавать TOEFL.

— Но если хочешь в иняз, нужно знать иностранный язык на должном уровне...

— Я уверен, что и по окончании иняза многие TOEFL не

сдадут. Два года преподавал в инязе, хочу сказать, что сейчас на платной основе можно поступить любому. Сегодня двенадцать групп с первым языком английским, а в мое время было только три.

— К сожалению, тенденция к увеличению набора есть и на журфаке... Многих студентов волнует вопрос, мол, мало практики.

— В инязе те же проблемы. Учат, сколько в ООН за седает людей, какие страны в Совете безопасности. Но никто никогда не сказал, как нам действовать практически, например, сколько денег брать за страничку перевода. Повезет, если дадут перевести, например, про устройство трактора или про вертлявую камышевку. Но ты в жизни не получишь перевод, скажем, про работу ООН. Редко какой преподаватель дает возможность попрактиковаться. Если сидишь и не шевелишься, так ничему и не научишься. Подозреваю, что то же и на журфаке. Когда человек приходит в газету, ему не хватает опыта, цинизма. Он выглядит приблизительно так же, как я, когда пришел в «Прессбол».

Журфаковцев приходится учить столько же, сколько и нежурфаковцев. Кстати, Довлатов, Диккенс работали в журналистике без специального образования. Но многие студенты ленятся, а ведь главное – опыт. Нужно

ходить в редакции, знать, как делают газету. Скажем, у нас в «Прессболе» очень мало людей с журфака.

— Мы обсуждали этот вопрос с ребятами, которые работают в сфере спорта. На журфаке масса спецкурсов, вот только большинство из них посвящено искусству. А про спорт как-то забывают. Разве что третьекурсникам стали преподавать спортивную журналистику...

— Если честно, я бы не пошел на спортивный профиль. Я считаю, что на уровне болельщика достаточно хорошо разбираюсь в своей теме. Ежедневно читаю зарубежных спортивных журналистов. Кстати, слышал, что на журфаке начали готовить писателей. Но, может, нам нужны не писатели, а хорошие читатели? Согласись, читают у нас гораздо меньше, чем могли бы.

— Есть такой стереотип, что журналисты не читают никого, кроме себя.

— Глупости. Мне нравится «БелГазета». Виктор Мартинович, например. Я почти с каждым его абзацем не согласен, но написано красиво. Или в этой же газете есть Татьяна Замировская. Ее приятно почитать. В «Советской Белоруссии» мне нравятся интервью, например, с Алентовой или Джигарханяном. Люблю читать и «Financial Times».

профессия или призвание?

— Каким материалам отдаешь предпочтение?

— Не люблю писать интервью. Нужно найти время, подстроиться под график человека, которому уже в десятый раз задают одни и те же вопросы. В спортивной журналистике очерчен круг тех, у кого часто берешь интервью. Это приводит к тому, что начинаем уставать друг от друга. Гораздо интереснее раскачать на беседу незнакомого человека. Например, был у нас легендарный хоккеист Пэт Куин. Он рассказал и про Чернобыль, и про то, как джаз слушает, и про интересные случаи из его жизни. Очень милый человек. Бывают и другие личности, которые отвечают только «да», «нет», «ничего».

— И как выкручиваешься из таких ситуаций? Материал-то писать нужно...

— Стараюсь больше спрашивать. Конечно, есть объемы, которые нужно как-то выколачивать из людей. Приходится крутиться, задавать глупые вопросы, которые зачастую приносят огромную пользу. Ведь в таком случае человек начинает говорить, мол, ты ничего не понимаешь, давай я тебе объясню. Глядишь, вот уже и первый абзац материала готов. Мне больше нравится у иностранцев брать интервью, ведь они любят много говорить.

— А какими материалами больше всего гордишься?

— Главный я уже написал. Это интервью с Яри Литманеном (лучший футболист в истории Финляндии — прим. О.П.). Даже если бы я не работал в «Прессболе», а стал переводчиком, все равно съездил бы к Яри Литманену, это просто легенда. Интервью получилось огромным. В этом плане «Прессбол» — своя планета, ведь в другой

газете мне наверняка бы сказали урезать текст. Здесь никто никогда не говорит: об этом можно писать, а об этом нет. Никогда не забуду свое первое интервью, с Матсом Виландером (знаменитый шведский профессиональный теннисист, бывшая первая ракетка мира — прим. О.П.). Я только пришел в газету, написал где-то «две Голландии». Тут к нам приехали шведы играть в Кубке Дэвиса. Капитаном этой команды был легендарный Матс Виландер, который выиграл в свое время все на свете. Сейчас он работает на канале «Eurosport». Меня предупредили, что звезды очень коварны, скажут перезвонить через полчаса — и все, они уже знают твой номер и не будут больше поднимать трубку. У меня было два телефона Виландера — шведский и американский. Я зазванивался три дня. Наконец он взял трубку, в аэропорту, только с самолета, устал, но терпеливо ответил на все мои вопросы. Еще очень милый человек Франк де Бур, капитан сборной Голландии. Он не только не отсылает журналистов, но еще и сам перезванивает. Настолько открытый и безотказный. Спокойно дает прогнозы. Особенно удивило, что, когда де Бур был помощником главного тренера и Голландия проиграла на чемпионате мира, он все равно поднял трубку и охотно ответил на вопросы.

— Сложно работать в спортивной журналистике?

— В газете давят объемы. В этом плане, возможно, в интернет-журналистике проще, там никто не скажет: «У тебя «дырка» или «Нужно урезать твой текст». Но в спортивной журналистике масса плюсов. Во-первых, можно бесплатно ходить на

футбол. Во-вторых, можно часто смотреть по телевизору спорт или читать спортивные газеты, мол, мне это нужно по работе (смеется). Трудно, думаю, стать хорошим спортивным журналистом по распределению. Я уверен, что тут про спорт должны писать болельщики, а, скажем, про криминал — те, кто зачитывается Агатой Кристи.

— Еще один стереотип: со спортивными журналистами можно говорить только о спорте?

— Действительно, стереотип. Если такое все же есть, то это плохо. Ограничность мешает в том числе и в спортивной журналистике. Раньше корреспондент «Советского спорта» ехал на матч СССР и был единственным человеком, который видел это событие вживую. Сейчас такого нет. Все можно посмотреть, поэтому нужно уметь заинтересовывать читателей. А вообще, на свете не так уж много людей, с которыми можно говорить обо всем. Я вспоминаю

своего деда 1913 года рождения. Он не умел ни читать, ни писать, но производил впечатление исключительно умного человека. Принесил газету и говорил: «Ну, прочти, портрет же разместили, знать, намолотил много или, чай поди, что украд». А бывает, у человека несколько высших образований, а поговорить с ним не о чем.

— Интересно, а как выглядит твой рабочий день?

— Прихожу в редакцию в 8 утра. В 9 планерка. До планерки я обычно что-то делаю, например, набираю таблицы. Это целое таинство, нужно непременно настроиться, собраться. Потом иду на планерку. Если все тихо, пишу то, что должен был, если что-то происходит, дел может прибавиться. У нас есть такая шутка: если хочешь работать в «Прессболе», то нужно избавиться от вредных привычек — семьи, друзей и свободного времени.

Беседовала
Ольга ПАСИЯК,
4 курс

Фото из личного архива А. Вашевской

Я с трудом открыла глаза, за окном было темно. Долго не могла понять: то ли еще ночь, то ли уже утро. А потом вспомнила, что сегодня мне предстоит тяжелый трудовой день. Одно радует: никаких лекций, только работа и много вешалок. Силой журналистской идеи Оксана Добрук, то есть я, на один день превращается в гардеробщицу. Приехала я в университет, и сразу же за дело.

— Здравствуй, помощница! — встречают меня мои сегодняшние коллеги тетя Галя и тетя Нина.

Короткий ликбез, и можно смело приступать к работе.

190 курток в одни руки

Фото О. Пасник

«О времена, о нравы!»

Перед началом пары возле гардероба суматоха. Девушки толпятся у зеркала, как будто выясняют у «главного мужчины факультета», кто на свете всех милее. Парни же, наоборот, куда-то торопятся.

— Здрасьте! — весело говорит девушка, протягивая куртку в окошко. По виду точно не первокурсница: те еще не приучены к элементарным истинам. Как, к сожалению, и большинство старшекурсников. Странно, что студенты, которые в надежде найти нужный комментарий ежедневно обзванивают десятки организаций, явно начиная свое представление сприветствия, забывают здороваться с теми, кого видят практически всегда.

Первые полчаса было интересно, ведь окошко гардероба — это своего рода окошко в мир. В моем случае — в студенческий. Забавно наблюдать за людьми со стороны. Тетя Нина и тетя Галя шутят, между прочим жалуясь на некоторых студентов. Вдруг женскую идиллию разбивает мужской бас: *«Name!»*.

— Этого парня я каждый день вижу на телеэкране. Такой серьезный, интеллигентный, — вздыхает тетя Нина, — а как заходит на факультет, сразу наглый, разнудзанный становится, куда только весь лоск пропадает?

А мне бы валенки

Хоть отопительный сезон уже начался, батареи в гардеробе все еще холодные. Уже через полчаса начали леденеть руки и стучать зубы. «Коллегам» повезло больше: на них специально выданные вместе с формой теплая обувь и перчатки. Такое обмундирование не только греет, но и спасает от электризующихся вещей.

— Попей чайку, согреешься, — предложила тетя Нина.

Женщины же смогут почаевничать лишь во время занятий, тогда студентов меньше, а значит, и работы. Правда, о дружеской беседе приходится забыть. Ведь пока одна спокойно попивающая горячий *«Lipton»*, вторая дежурит у окошка. Потом меняются.

— Одежду вежливых и улыбчивых студентов, которые не забывают здороваться и говорить «спасибо», мы вешаем в первых рядах, — делится тетя Нина. — Так что воспитанным ребятам приходится значительно меньше стоять в очереди, ожидая куртку или пальто. А значит, и домой они уходят быстрее.

Вот такой обмен любезностями.

А еще на первых вешалках красуются тяжелые пальто и куртки: уносить их далеко, и трудно, и неудобно. Кстати, во время гар-

деробного дежурства мне очень повезло: попадалась только чистая и аккуратная одежда. Но ведь так бывает не всегда.

— Не очень-то и приятно целый день носить в руках грязные и неухоженные вещи. А если идет дождь или снег, то одежда еще и мокрая, — говорят «коллеги».

Потеря потерь

Одна из проблем нашего гардероба — это утерянные номерки. Теряют казенное имущество студенты нечасто, но если уж небольшая пластмасска незаметно выпадет из сумки или кармана, паниковать ни в коем случае не стоит.

— Не надо сразу же устраивать грандиозный скандал с криками, истерикой и обвинениями в адрес работников гардероба, — говорит тетя Нина. — Можно просто подождать, когда очередь разойдется. Мирно подходите к нам, пишете заявление о потере номерка, и вам возвращают верхнюю одежду.

Если вы не в первый раз хватились пропажи, то придется заплатить небольшой штраф.

Перекур

На перерыве жизнь возле гардероба закипает. Студенты торопятся на улицу, чтобы «прикурить». Некото-

рые выбегают не одеваясь, несмотря на погоду, ну а остальные, порой возмущаясь и бурча, становятся в очередь.

— Мы понимаем, что ребята спешат: перерыв не такой уж и большой, — рассказывает тетя Галя, — но ведь и мы тоже не «энерджайзеры». Раньше, чтобы ускорить работу, мы разрешали курильщикам во время перемены самим брать верхнюю одежду. Но от этой задумки пришло отказаться, потому что после такого самообслуживания некоторые вещи висели не на своих местах, да и из карманов что-нибудь то и дело пропадало.

Стоп! Смена!

Наконец-то моя смена закончилась. Выстоять весь день на ногах, поверте, не легко. Так что не злитесь, ожидая куртку. Поймите: два человека, даже если бы и хотели работать быстрее, не могут бегать со скоростью света и в считанные минуты помочь всем сразу.

«Работа такая», — скажете вы. Возможно. Вот только за любезность никто не доплачивает. Зато ее отсутствие заметит любой. Поэтому уважайте труд тех, кто каждый день встречает вас на факультете, стоя по ту сторону окна.

Оксана ДОБРУК,
4 курс

Человек, влюбленный в танец

Не каждый может с уверенностью сказать, что в свои 20 с небольшим лет нашел любимое занятие, ставшее смыслом всей жизни. Но студент 3 курса специальности «Журналистика (web-СМИ)» Дмитрий ШАШАЛЕВИЧ из числа этих немногих. Его стихия – танцы: *hip-hop*, *house*, *waacking* и *vogue*. При встрече мы спросили Диму: «Что для тебя танец?». И он, вдохновленный, рассказал о своем творчестве, не дожидаясь дальнейших расспросов.

Как бы это ни звучало, танцы – моя жизнь. Сначала было увлечение, потом влюбленность, сейчас это моя работа. Теперь свободное время – танцы, работа – тоже танцы.

Все началось с того, что однажды я увидел рекламу школы танцев и решил научиться. Мое желание поддержала бабушка, которая помогла оплачивать занятия. Изначально это был *hip-hop*. Непонятный *hip-hop*, потому что у меня были непрофессиональные учителя. Затем стал заниматься только хореографией. И вдруг я открыл для себя движение *underground*, которое разделило мою жизнь на «до» и «после». Раньше я еще пробовал петь. Но мне сказали: «Выбирай – или танцы, или пение. Только смотри, из певца танцора сделать тяжело: нужно очень много времени, а вот из танцора певца – проще».

И вот уже пять лет я танцую в команде *DETROIT*. Нас пятеро, и у нас одна цель: все должны одинаково хорошо работать. Вот кулак, один палец уберется – и все.

Иногда мы организовываем фесты, но для нашей страны это проблематично. Чтобы в Минск привезти крутого танцора, на номер которого приехали бы посмотреть из других стран, нужно много денег. Считается более престижным ездить на фесты в Москву, в Питер и там делать себе имя.

Откуда приходит вдохновение?

Основной источник вдохновения – музыка. Сейчас любимое направление – *house*. Ну, такая музичка, чисто танцевальная – тыц-тыц. Вдохновляет американская попса: в ней что-то есть, какие-то чувства, разнообразие. Иногда черпаю вдохновение из картинок, фотографий. Например, фото ретро-цирка. И теперь мне хочется сделать номер – цирк. Воодушевляют фесты. Они много дают: огромный прилив сил, желание перевернуть весь мир. Каждый раз, когда ездишь на фест, в тебе что-то меняется, общаешься с людьми и перенимаешь у каждого по чуть-чуть. Вдохновляет работа других танцоров.

Сейчас, кроме *house*, я практикую *waacking* и *vogue*. Эти направления в Беларусь еще в зачаточном состоянии. Я первый, кто пытается развить их у нас. Последний номер, которыйставил с командой, – это придворные девятнадцатого века, танцующие *vogue*.

Не так давно вдохновился фотографией техно-роботов, в японском стиле. Мне он очень нравится: такой футуристический, сдержаненный.

Почти у всех танцоров есть свой ник, мой – *Stewie*. Так звали мультишного ге-

роя, который мечтал покорить мир, был злым и милым одновременно. В какой-то степени все это подходит и мне.

Каковы качества настоящего танцора?

Танцор прежде всего должен обладать тру-до-лю-би-ем! Я не устану это повторять, потому что меня ужасно раздражают высказывания вроде «танцутики, пляски – это все ерунда, это так легко». Люди просто не понимают, каков этот труд. Я танцую уже 5 лет, но чтобы выйти на мировой уровень, и мне еще нужно работать и работать.

Танцор должен быть дружелюбным, очень общительным, потому что танцы – сфера, в которой самому разобраться сложно. В классе седьмом мне сказали: «Один в поле не воин, ищи, Дима, себе единомышленников, иначе ничего не добьешься». Раньше я думал: как подойти к танцору и попросить показать мне какое-то движение? Почему он должен мне помогать? Но одна знакомая сказала: «Вы, танцоры, – одна семья, вы делаете общее дело». И это правда, в любой город приедешь – тебя примут, поддержат.

До чего «дотанцевался»?

Уже третий год я преподаю. Правда, не могу назвать себя полноценным педагогом, потому что у меня нет хореографического образования. Оно мне и не нужно: я танцую уличные стили, знание которых никакими сертификатами в Беларусь не подтвердишь. Мы учимся у создателей *hip-hop* и *house* культуры, они ездят по всему миру и дают мастер-классы. Я частенько их посещаю.

Оцениваю себя как хорошего и известного танцора для Беларусь и Украины, для России я середнячок. Меня приглашают давать мастер-классы, судить фесты, значит во мне что-то есть, раз мне пишут люди и хотят у меня учиться. Есть большой потенциал, но нужно еще работать, идти вперед. Я хочу покорить Европу. Главное для этого – не останавливаться. Мне нужно все время ездить куда-то и показывать, на что я способен, чтобы люди меня не забывали. Я был в Париже, в Амстердаме. Здорово, что можно и путешествовать, и учиться танцевать одновременно.

А если спросим не о танцах...

Я вообще творческий человек. Увлекаюсь дизайном – сам придумываю костюмы для танцевальных номеров. Создаю рекламные буклеты, рисую на одежде принты.

Одно время я очень хотел стать жур-

налистом. Для меня журналистика – это не освещение каких-то событий или написание информационных заметок. Это когда у человека есть какая-то проблема, и он не в состоянии решить ее один, журналистский долг – помочь людям, которые не могут пойти против толпы.

Я мечтаю стать сильным и знаменитым танцором. Но не хочу получить это на халяву, хочу добиться всего сам. Я уже сейчас думаю: «Ну ничего себе, следующая неделя расписана: еду на фест, мастер-класс даю, потом получу в Калининград». А год назад я об этом даже не мечтал. Хочется, чтобы люди видели во мне стильного танцора и хотели получить частичку моей энергии, научиться чему-нибудь именно у меня. Рад, что с каждым днем моя мечта все ближе к реальности.

Underground – направления в современном искусстве, противопоставляющие себя массовой культуре. Это в первую очередь творчество ради развития искусства, а не заработка денег.

Баттлы – соревнования, когда один участник танцует против другого (или в дуэтах). На каждом баттле человек платит взнос за себя и победитель забирает часть.

Vogue – стиль, основанный на копировании подиумных позировок и проходок высокой моды и мимики фотомоделей.

House – стиль танца, который танцуют под музыку *house*. Развился из *hip-hop*. Для него характерна высокая скорость, ритмичность, драйв, выбросы рук в ритм музыки.

Waacking (от *waack* – «махать руками») – стилистическая интерпретация *fusion-jazz*, движений *hip-hop* и *locking*. Первоначальное имя этого стиля было *The Garbo* (от имени Греты Гарбо, известной шведской актрисы, театральные позы которой пародировали танцоры).

Юлия ЛАВРЕНКОВА,
Анна ЯКИМОВИЧ, 2 курс

Всепрощающий журфак,

Есть у меня друг – студент факультета радиофизики. Как-то зазывала его прогуляться:

- Пойдем на улицу. Погода замечательная!
- У меня лабы по оптической электронике. Часа три еще буду занят. Может, позже?
- А лабораторные до вечера подождать не могут? – настаивала я.
- Женя, я на факультете радиофизики, а не на журфаке. Мне заниматься нужно!

Миф о том, что в Институте журналистики можно не учиться, да и на парыходить необязательно, я слышала не единожды. А о невозможности вылететь из ИЖ говорят не только студенты нашего факультета. Из курса в курс передается фраза, которая стала крылатой: «С журфака не выгоняют!». Согласны вы с этим либо нет – дело ваше. Но мнение такое есть, а значит, повод так думать тоже имеется. Тогда почему студентам именно нашего факультета настолько повезло? Это мы, журфаковцы, такие сообразительные, что любой экзамен без подготовки можем сдать? Или все дело в системе контроля знаний, которая сложилась на факультете? Попытаюсь разобраться...

Тяжело в учении – легко в бою

Начну с цифр: за последнюю сессию с факультета отчислили 9 человек и 7 студентов остались на повторный курс обучения. Не так уж мало для заведения, откуда «вылететь невозможно». Скажу более: из факультетов БГУ (а их 21!), журфак занимает второе место по количеству отчисляемых студентов! Об этом говорилось на расширенном заседании Учебного совета. Неожиданная новость, не правда ли? Так почему мнения людей не подтверждают статистику?

– Каждый наш абитуриент, – говорит **Ольга Михайловна Самусевич**, заместитель директора Института журналистики, – сдает непростые вступительные экзамены. Поэтому случайных людей на факультете нет. Студенты занимаются любимым делом: журналистикой. А когда делаешь то, что нравится, проблем намного меньше. Вот и создается впечатление, что у нас не учатся. Тем более гуманитарное направление в принципе не требует таких глобальных затрат времени, как, скажем, точные науки.

Еще от старшекурсников слышала, что на журфак сложнее поступить, чем учиться. Действительно, глядя на проходные баллы, которые требуют от абитуриентов технические специальности, ребятам, оказавшимся на старте марафона Института журналистики, нужны высокие скорости (читай: высокие баллы). В этом году проходной балл на журфак составил 360! Для примера, на факультете радиофизики он был около 137. Кроме этого, желающим присоединиться к журфаковской братии недостаточно знать лишь выбранные предметы: историю Беларуси и русский или белорусский язык. Ребята должны быть эрудированными, в ином случае сдать творческое тестирование вряд ли получится. Чтобы избежать вступительного фальстарта, абитуриентам, мечтающим стать в бесплатную очередь за дипломом журналиста, также необходимо уметь быстро и, главное, логически выстраивать гениальные мысли в связный текст, иначе вступительное сочинение не напишешь. Значит, все дело в таланте и мощной подготовке, которую будущие журналисты проходят до и вовремя поступления?

– Безусловно, нашим студентам повезло и с демократическим управлением, – рассказывает Ольга Михайловна, – Скажем, у нас нет платных пересдач. За это спасибо ректорату. Что касается руководства Института журналистики, мы всегда идем навстречу студентам, поддерживаем их. Отчисление – это крайняя мера. Да, на других факультетах с учебой строже. Но журналистика – это специальность, профессионализм в которой измеряется отнюдь не девятыками и десятками.

Не только пряник...

Поддерживать студентов – это правильно. Однако когда дают шанс даже не во второй, а в третий, четвертый

или Диплом без труда

раз... О журфаковцах, которые трижды остаются на повторный курс обучения, уже ходят легенды и на других факультетах. Не слишком ли сердобольное руководство Института журналистики?

— Конечно, мы во многом сами виноваты! — говорит **Светлана Ивановна Ковалева**, методист высшей категории. — Верим студентам, жалеем их. А что в итоге? Каждый раз одни и те же люди с обещаниями, мол, это в последний раз, только дайте возможность пересдать. Такие студенты настолько часто появляются в деканате, что мы их поименно знаем. Не припомню ни одного факультета, где бы студентам давали больше возможностей пересдавать, например, зачет, чем на журфаке.

Значит, в распущенности студентов ИЖвиноваты слишком лояльные преподаватели? А как с этой факультетской лояльностью уживается серебряная награда в общегородских соревнованиях по отчислению?

— Вся политика БГУ направлена на то, чтобы удержать студентов, — говорит **Дмитрий Николаевич Дроздов**, доцент кафедры теории и методологии журналистики, кандидат филологических наук. — Как человек, считаю: не нужно делать столько поблажек. Но как преподаватель — пусть молодежь лучше учится, чем занимается какой-нибудь ерундой.

Учись или просто отсиживайся на парах, а диплом журналиста тебе выдадут. Вот только кому нужно такое образование? Бессспорно, все можно легко списать на еще одну заплесневевшую журфаковскую истину: «На современном рынке труда диплом лишь формальность. Работодателю важно, как ты справляешься с поставленной перед тобой задачей, а не то, с какого раза ты сдал зачет по экологии». Действительно, для журналиста важнее практика. Но не только она. В ином случае к

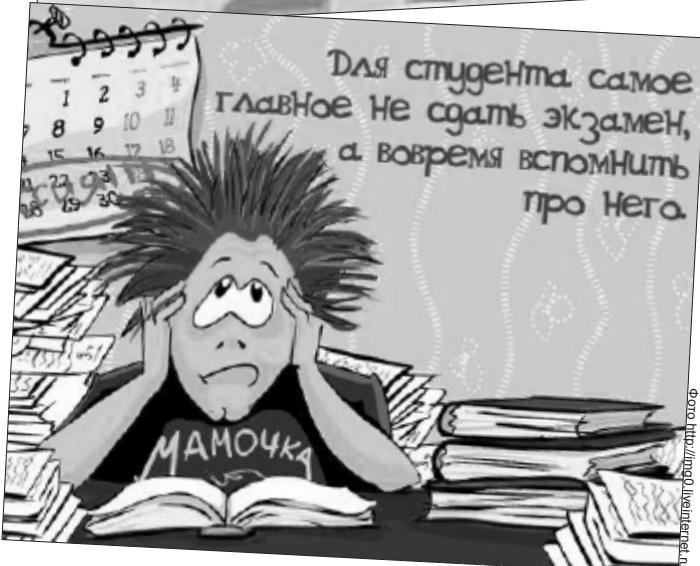
чему было бы поступать на факультет, учиться пять лет, брать из родительского кармана ежегодно пять миллионов (в случае платного обучения) и при этом ничего не делать. Зачем вся эта гонка за дипломами?

— Сидя в аудиториях, получишь диплом, а вот практические навыки — нет, — говорит **Алексей Александров**, студент 4 курса. — Я бы советовал сначала получить какое-нибудь «конкретное» высшее образование (юрист, экономист), а потом тем, кто хочет работать в журналистике, пройти переподготовку. Если же вы начали с ИЖ, то стараться стоит, причем основательно. Возможно, многому вас и не научат, но какие-то ориентиры в той или иной сфере дадут. А вообще желание учиться у студентов забирает сама система образования. У нас много предметов, которые можно унифицировать. Часто что-то повторяется без толку. Насколько я знаю, на других факультетах примерно по 10 предметов в семестре. У нас на втором курсе было по 17-18.

А как у соседей?

Одним словом, лень и чрезмерные поблажки — вот наши две беды. Может быть, стоит присмотреться к работе других учебных заведений, где готовят журналистов? Например, в Московском государственном университете с журфака студента отчисляют, как только у него появляется три «хвоста». А в Европейском гуманитарном университете пересдач как таковых вообще нет.

— Там рейтинговая система на самом деле действует, — говорит **Татьяна Жарносек**, студентка 4 курса журфака, которая параллельно учится в ЕГУ на заочном отделении, специальность «Медиа и коммуникация. Журналистика». — Если сделано меньше половины заданий, то к экзамену не допускают. Когда студент не сдает какой-то предмет в семестре, его не отчисляют,

а переводят условно на следующий курс. Однако этот предмет во второй раз нужно изучать платно. Тут простая схема: чем больше предметов накапливается, тем больше придется учиться в университете и, соответственно, больше платить. Выходит, студенты сами выбирают себе нагрузку.

Сколько бы ни было бед — один ответ

Заставлять учиться на журфаке студентов никто не собирается. Да и зачем? Они не школьники, сами должны четко понимать, что они хотят получить от высшего образования. Тянут тех, кто не желает учиться, в университете

никто не будет. А для чего? Ведь зачастую люди, которые не покидают список должников, так и не заканчивают вуз. Академический отпуск, повторный курс обучения дают отсрочку. Однако итог в большинстве случаев один — отчисление.

P.S. С таким отношением студентов к учебе имидж журфака может легко измениться. И из числа самых престижных в БГУ он превратится в институт для лодырей. Но тогда какого работодателя заинтересует диплом специалиста, закончившего факультет, на котором «не нужно учиться»?

Евгения ФИЛИМОНОВА,
3 КУРС

Наталья Анатольевна

«Человека за один раз»

Строгая, сдержанная, уверенная в себе – такой мы знаем доцента кафедры истории журналистики, кандидата филологических наук Наталью Анатольевну ЗУБЧЕНКО. Но наверняка это лишь одна сторона ее многогранного характера. И хотя сама Наталья Анатольевна считает, что узнати человека за одну встречу невозможно, «ЖурФАКТЫ» с ней не согласны. Ведь порой, чтобы открыть для себя кого-то, достаточно лишь проникнуться его жизненными идеями.

Идея бунтарства.

«Мне никогда не было страшно»

– Вы, наверное, были очень серьезным ребенком?

– Не знаю. Я росла в деревне, поэтому детство закончилось рано. Уже с пяти лет помогала родителям полоть грядки, заготавливать сено, даже корову доила. Но и пошалить любила. Как-то мы с ребятами через сарай полезли в соседский огород, и я с этого саarya свалилась, причем прямо в крапиву. Ободралась страшно. Сижу, реву. Подходит ко мне друг и говорит: «Хочешь, Наташка, я тебе расскажу, что сделать, чтобы легче стало? Ты не плачь, когда вот очень больно, надо сказать плохое слово – и сразу станет легче». Тогда я сказала свое первое плохое слово, и, честно, стало легче. А вообще, в детстве я ничего не минировала и не взрывала. Как и все ребята, могла вернуться домой не вовремя или забраться за яблоками в соседский сад.

– Какой из поступков юности Вам больше всего запомнился?

– Я училась в советской школе, где все должны следовать строгим правилам. В 9-м классе нам не разрешалиходить на дискотеки. Но на то они и правила... Представьте: танцы в сельском клубе, вдруг открывается дверь – на пороге стоят пять учителей. Неполушных детей «взяли на карандаш». На следующий день всех нас вызывали на комсомольское и родительское собрания. Ребята были недовольны: «Мы ничего плохого не сделали». А я под шумок написала письмо в газету о том, что райкому комсомола нужно лучше организовывать свободное время школьников. Мол, если вам не нравится, как мы отдыхаем, предложите альтернативу. Реакции долго не было. А потом на одно из комсомольских собраний приехал первый секретарь райкома. Отыскал меня в череде школьников и говорит: «Нам все равно, что вы написали. Мы как работали, так и будем работать». Впервые в жизни я прогнула: боялась, что из школы выгонят. Но все обошлось.

Правда, одноклассники еще долго надо мной подшучивали: «Не переживай: сухари мы тебе носить будем».

Идея лидерства.

«...и прозвище у меня было Начальник»

– В школе Вы, наверняка, были старостой и отличницей?

– Да, старостой я была. А вот училась на 4-5, поэтому школу закончила без медали. Я гуманитарий, так что языки, литературу, историю и обществоведение знала на «отлично». А вот с математикой проблем хватало.

– Помните свою первую двойку?

– Да, физику я никогда не понимала. Наш учитель Макар Карпович Крюков был исключительным комиком, поэтому на занятиях мы чаще «рвали животы», чем разбирали задачки и законы Ома. У меня могло стоять по шесть двоек подряд. И это притом, что я была председателем учкома школы и проводила линейки по успеваемости. Хотя под конец четверти всегда умудрялась подтягивать свои «хвосты». Сейчас с трепетом вспоминаю Макара Карповича. Недавно встретила его в электричке – он все такой же юморист, а ведь ему уже слегка под девяносто. Были предметы, на которых оценки получали по блату. Мама моей подруги вела у нас географию, поэтому науку морей и гор я тоже не знаю. Она (мама подруги) говорила: «Девочки, у вас нет оценок: завтра буду вызывать». В общем, вопрос о том, где находится какая-нибудь река или равнина, для меня тоже проблемный. Потом, правда, когда в жизни понадобилось, пришлось самой наверстывать.

– Какие пионерские задания приходилось выполнять?

– Советские дети всегда все делали с энтузиазмом, не зная меры. Сколько хороших журналов я на макулатуру сдала! «Наука и жизнь», «Новый мир» – сейчас бы их как нашла... Да, дети тогда очень ответственные были, хотя не все. Помню, однажды я вернулась домой в чужих сапогах. Мы, когда в школу приходили, переобувались в тапочки, а обувь

оставляли в коридоре. И вот после занятий я понимаю, что моих сапог нет. В половодье в тапочках далеко не уйдешь. Пришлось сидеть в школе, пока подружка сбегала домой и принесла другие сапоги. Воришку тогда так и не нашли.

Идея смелости.

«Важно уметь отстаивать свое мнение»

– Но школа – это же не только книги, уроки...

– Мы участвовали во всех «Зарницах». Военную подготовку у нас вел отставной подполковник, поэтому я до сих пор помню строевую, то, как нужно поворачиваться через левое плечо и маршировать. Я даже разбирала автомат Калашникова. Вот только стреляла плохо.

– Вы всегда могли постоять за себя?

– Еще в школе поняла, как важно уметь отстаивать свое мнение. Помню, как мы с одноклассниками пришли сдавать экзамен по УПК. И вдруг учитель, обращаясь ко мне, говорит: «Ты смеялась на всех занятиях, так что экзамен не сдашь». А как можно не смеяться, когда тема урока «Период полового гона у коровы»? Он начал орать на меня. «Не нужно мне ваше животноводство, я в институт буду поступать», – возмутилась я и, хлопнув дверью, ушла. Села на стадионе и решила, что больше к этому учителю я не пойду. Но на экзамен меня прийти заставили, дали какой-то прибор и попросили определить жирность молока. С заданием справилась на «отлично».

– А кем хотели быть в детстве?

– Учителем. В мое время в деревне это считалось самой престижной профессией.

Идея мечты.

«От судьбы все равно не уйдешь»

– Решили пойти за мечтой?

– С первого раза на филфак не поступила, поэтому год работала помощником воспитателя. Хотела пойти на журфак, тем более что писательский «опыт» у меня уже был. Приехала на факультет, зашла в деканат. У меня спросили: «Девочка, сколько у тебя публикаций?». «Одна», – отвечаю я. «Одной мало», – говорят. Но от судьбы все равно не уйдешь.

Зубченок: узнать невозможно, на это жизнь нужна»

— Учиться было интересно?

— «Ленинка» (библиотека им. В.И. Ленина — прим. Е.П.) — мой дом родной, приходилось много читать. А вообще было весело. Помню, белорусский язык у нас преподавал замдекана. Человек очень веселый. Меня всегда притягивали такие люди, а я их. На паре он однажды подошел ко мне с вопросами: «Ну адкуль ты, дзяўчынка? Як цябе завуць?». А потом, если я вдруг умудрялась прогулять его занятие, от ребят приходилось слышать: «Лазовский сказал: лекция сегодня не удалась, потому что нет Зубченок».

— Студенты журфака отличаются от филфаковцев?

— Кардинально. Раньше на филфаке учились степенные девушки, дотошно правильные, заученные (теперь не знаю). Журфаковцы — раскрепощенные, они ничего не боятся. Если бы мне, студентке филфака, понадобилось спросить что-то у декана... Да уласи Бог. Журфаковцы же и с замдекана, и с деканом чувствуют себя наравне.

— В студенчестве в курьезные истории часто попадали?

— Бывало. Как-то мы с подругами решили переночевать у одногруппниц в общежитии. Одеты были легко: плащи, туфли. Утром просыпаемся — и вдруг общий вопль: «Зимка!». Доехать до факультета из «семерки» (общежития, где живут филфаковцы — прим. Е.П.) нечем. Пришлось идти в университет по снегу.

— А еще студенчество — это практика. Часто доводилось ездить по деревням, собирая фольклор?

— Я жила в деревне, поэтому ездить мне никуда не пришлось. Ходила к родственникам, они мне с удовольствием песни и частушки пели, много интересного рассказывали. Кстати, не так давно нашла некоторые плёнки. Вставила их в магнитофон — звучат. А ведь это было году в 90-м! Некоторые записи отдала детям моих «звезд». Для них (детей) это ценный подарок, ведь у многих уже лет по пятнадцать как нет родителей.

Идея преподавания.

«Боялась поднять голову...»

— Как Вы попали на журфак?

— В минские школы учителей не набирали, в районе тоже мест не было. Поэтому

Фото из личного архива Н. Зубченок

му на пятом курсе устроилась в деканат журфака диспетчером. Работала в день часа по два-три и бежала на занятия. Вот и осталась здесь после распределения. Подружилась с Ангелиной Александровной Руденко, она тогда работала замдекана, — очень приятная и мудрая женщина. Знаю ее лет семнадцать, часто пью чай.

— Помните свою первую лекцию?

— Боялась поднять голову, оторвать глаза от листочка, сказать что-то не то. Особенно когда работала с заочниками, ведь некоторым моим студентам было лет по сорок. Но взрослые ученики приняли молодого преподавателя. Сейчас ловлю себя на мысли о том, как хорошо, что когда-то мне не сказали: «Ты не сможешь преподавать». Иначе бы я сломалась.

— А каким должен быть идеальный преподаватель?

— Человечным, он должен уважать студентов.

— ...и задавать писать от руки рефераты страниц по десять?

— Но это все по делу. К учебе нужно относиться как к работе, а не думать, что ты пришел на журфак мультики смотреть. Кто не хочет работать головой, будет работать руками. Согласитесь, человек, который получил диплом ИЖ, должен знать, чем заканчивается «Слово о полку Игореве».

— Вы знакомите студентов с литературой прошлого. Возникает ли у Вас порой ощущение, что Вы живете не в свое время?

— Наверное. Люди, с которыми мне просто общаться, старше меня. Очень тяжело, когда они уходят.

— Если бы у Вас был цветик-семицветик, на котором остался лишь один лепесток, чтобы Вы загадали?

— Чтобы родные люди были рядом: когда им хорошо, хорошо и мне.

Екатерина ПАНТЕЛЕЕВА,
4 курс

Танец, князь и розовая шубка

Войти в историю мечтают все. Ну, если не все, то многие. Вот только история — девочка капризная, поэтому в свой блокнот-хронику записывает лишь самых ярких представителей. В канун дня рождения БГУ мы ухитрились полистать чудесную летопись и смогли найти в ней имена студентов Института журналистики.

Фото из личного архива О. Пасик

Ольга ПАСИЯК, студентка 4 курса. «Розовое пятно» журфака.

Я очень активный человек, но, похоже, в историю факультета мне довелось попасть совсем по другой причине. Редакция «ЖурФАКТОВ» готовила материал про один день из жизни гардероба. И вот случайно его сотрудники обмолвились, мол, бывает одежда, которая запоминается, например, есть у нас любимая розовая шубка. Так уж получилось, что мне нравится необычная, порой даже экстравагантная одежда. Словом, шубка эта моя, а если быть точнее, результат творчества моей мамы, которая обожает создавать необычные вещи. Правда, в университете я в ней появлялась редко: все-таки вещь не самая практичная. Но как только мне хотелось поднять настроение окружающим, шуба срабатывала на 100 процентов. Видят люди среди черной толпы эдакое «розовое пятно» (термин моих одногруппников) и невольно улыбаются.

Александр ПОЛОСМАК, выпускник ИЖ 2009 года. Первый князь, официально окончивший факультет журналистики.

На предварительном распределении меня направили в Хойники. Мне казалось: жизнь окончена. «Не переживай, поедешь в Хойники, будешь первый пажень на деревне — Великий князь Хойницкий», — в шутку успокоила меня подруга. Я только улыбнулся.

На официальное распределение вместо костюма и галстука я надел рваные джинсы и майку с изображением Ленина. Пафосно открыл дверь в аудиторию, где сидела комиссия: мне было нечего терять, да и удивлять кого-то я не собирался. «Полосмак Александр — Великий князь Хойницкий», — представился я. Но получить распределение на новое место работы это не помогло. После я уехал в Могилев. Отключил телефоны: нужно было отойти от такого подарка судьбы. Пропал на два дня. Позже среди шквала звонков друзей, обыскивавших меня, в трубке я услышал голос Павла Якубовича. «Ну что, князь Хойницкий, хочешь у меня работать?» — спросил он. Понятно, что отказать ему я не мог (смеется). Кстати, потом, когда спрашивал у Павла Изотовича, почему он выбрал меня — ведь я не был ни активистом, ни отличником, — главный редактор ответил: «Человеку, который с таким оптимизмом может смотреть на проблемы, захотелось помочь».

Так Великий князь Хойницкий стал корреспондентом отдела новостей «СБ».

Фото из личного архива В. Семкина

Владимир СЕМКИН окончил журфак в 2005 году. Танцовщица, сразившая зал.

Как и всем студентам, нашей группе очень хотелось выделиться и заявить о себе. Лучший способ — показать что-то этакое на Дне первокурсника. Вот мы и придумали «особенный» танцевальный номер. Меня нарядили в женскую одежду, эффектно накрасили. Затем объявили: «А теперь на сцене Ангелина!». Имя, как вы понимаете, отнюдь не случайное. В мое студенчество замдекана была Ангелина Александровна Руденко. Представьте: полный зал ребят. И вот на сцене появляюсь я. Станцевав парочку па в образе Ангелины, отправляюсь к зрителям. Подхожу к Виктору Ивановичу Иченкову (он у нас вел белорусский язык), набрасываю на него боа. Преподаватель в шоке. Зрители тоже. Так меня запомнили. Правда, потом у меня была куча пересдач по языкам, которые ребята списывали на «эффектное выступление». Хотя реальная причина — мои «старания». Ангелина Александровна же одна из самых чудесных преподавателей журфака, вот только понял я это лишь после окончания университета. Спасибо ей. Вообще, я был нерадивым студентом. Когда мне вручали диплом, **Василий Петрович Воробьев**, бывший декан факультета журналистики, встал и сказал: «Этому человеку я буду аплодировать стоя». Мол, наконец-то один из наших вечных студентов закончил университет.

Сейчас эффектный танцор работает заведующим корреспондентским пунктом АТН по Могилевской области.

Екатерина ПАНТЕЛЕЕВА, 4 курс

РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА ПРАВАХ ВНУТРЕННЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ (БЕСПЛАТНО)

Главный редактор
Екатерина ПАНТЕЛЕЕВА
Верстка
Татьяна СОЛДАТЕНКО
Корректура
Мария ДРУК
Дмитрий ГОРСКИЙ

Выходит **один раз в месяц** на русском и белорусском языках. Газета отпечатана в **Издательском центре Белгосуниверситета**. Адрес: пр. Независимости, 4, г. Минск, 220050. Тираж: **50 экз.**, формат **A4, 12** полос. Руководитель проекта **Наталья ТУМИЛОВИЧ**

При перепечатке ссылка обязательна. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Авторы материалов несут ответственность за точность приведенных фактов, цитат, цифр и прочих сведений.

ЖурФАКТЫ

ГАЗЕТА ФАКУЛЬТЕТА ЖУРНАЛИСТИКИ
ИНСТИТУТА ЖУРНАЛИСТИКИ БГУ

Адрес редакции:
ул. Кальварийская, 9, г. Минск, 220004
тел.: 8 029 527 70 59
e-mail: zhurfakty@tut.by
[http:// www.journ.bsu.by](http://www.journ.bsu.by)

MAROON 5
HANDS
ALL
OVER

Исполнитель: Maroon 5

Альбом: Hands All Over

Лейбл: A&M / Octone Records

Жанр: Pop-Rock

Дата выхода: 21 сентября 2010

Жизнь – удивительная штука. Некоторые уверены, что мы живем «по спирали», двигаясь вперед и в то же время оставаясь на месте. Я думаю, что наша жизнь похожа на курс валют – то взлетит вверх, то рухнет вниз.

Такая история произошла с американской группой **Maroon 5**. Ее предшественница, группа **Kara's Flowers**, возникла в середине 1990-х годов в Лос-Анджелесе. Солист и гитарист **Адам Левайн** (Adam Levine), гитарист **Джесси Кармайкл** (Jesse Carmichael), басист **Майки Мэдден** (Mickey Madden) и барабанщик **Райан Дасик** (Ryan Dusick) были, по сути, еще школьниками. И вдруг такая удача! В 1996 году музыканты подписывают контракт со звукозаписывающей компанией *Reprise Records*. Казалось бы, вот она, слава. Но все вышло иначе. Первый альбом успеха не обрел, и *Kara's Flowers* очутились на улице. Их перспективы стали слишком туманными, чтобы думать о попытках пробиться на музикальный Олимп. И тогда парни отправились доучиваться в колледж.

Вернувшись в Лос-Анджелес, ребята познакомились с гитаристом **Джеймсом Валентайном** (James

Valentine). Пятерка объединилась под новым названием Maroon 5. Интересное сочетание рока и R&B привлекло внимание звукоzapисывающих компаний. *Octone Records* совместно с *J Records* подписали с группой контракт, и в конце 2001 года Maroon 5 приступили к работе в студии.

И опять слава едва не ускользнула от коллектива. Свой первый альбом, вышедший в 2002 году, они назвали **«Songs About Jane»**. Адам Левайн, незадолго до этого расставшийся с девушкой, вложил в тексты и музыку все свои переживания, навеянные бурными отношениями. Но **«Songs About Jane»** попал в *Billboard Top Ten* лишь в августе 2004 года! До этого ни одному альбому не требовалось tanto времени, чтобы попасть в десятку лучших.

С этого момента в истории группы начинается серьезный подъем. В 2005 году они получают свою первую статуэтку Грэмми. За спиной у них уже были

Танцуй, пока молодой!

многочисленные туры, один из них с **The Rolling Stones**. Количество проданных копий **«Songs About Jane»** приближалось к отметке в три миллиона. Но жизнь подготовила группе еще одно испытание. Барабанщик Райан Дасик вынужден был покинуть коллектив из-за проблем со здоровьем. С сентября 2006 года его место занял **Мэтт Флинн** (Matt Flynn).

Полноценного второго альбома пришлось ждать целых пять лет. **«It Won't Be Soon Before Long»** вышел 22 мая 2007 года. И хотя эту пластинку приняли несколько более прохладно, чем предыдущую работу Maroon 5, все же этот альбом, как и **«Songs About Jane»**, стал мультиплатиновым.

К 2010 году коллектив из Лос-Анджелеса подошел в статусе звезд поп-рока. В их активе три премии Грэмми, тиражи их альбомов исчисляются миллионами. Но вот что думает фронтмен группы Адам Левайн: «*Каждая наша пластинка должна быть похожа на самую первую. Мы никогда не хотели почивать на лаврах. Мы стремимся выкладываться по полной, что и доказывает наш последний альбом*».

Песни для новой пластинки Левайн начал писать вскоре после окончания тура в поддержку **«It Won't Be Soon Before Long»**. Через несколько месяцев ребятам позвонил **Роберт Джон «Мэтт» Лэндж** (Robert John «Mutt» Lange). Этот ветеран музыкального цеха работал с *AC/DC* и *Def Leppard*. Несудивительно, что Maroon 5 сразу же согласились на предложение Лэнджа спродюсировать их новый альбом.

Для записи пластинки весь коллектив перебрался в студию Лэнджа на северном берегу озера Женева. «*Мы просыпались и видели огромные заснеженные вершины Альп, и это зада-*

ло тон всей пластинке», – рассказывает гитарист Джесси Кармайкл. И действительно, в новой работе Maroon 5 заметны перемены. Они пытаются уйти от романтической поп-музыки и в то же время остаться узнаваемыми, слегка несерьезными. «*Я не хочу взросльть. Мысль о том, что мне уже исполнилось 30 лет, меня просто пугает. Мне нравится молодость и мальчишество*», – говорит Адам Левайн. И хотя первая песня – **«Misery»** – очень сильно напоминает о первом альбоме, дальше все куда интереснее. **«Hands All Over»** вышел по-хорошему танцевальным. *Los Angeles Magazine* назвал это «убийственной смесью из рока, фанка, R&B и поп-музыки».

И действительно, в чистом виде тот или иной жанр здесь не встретишь (что характерно, в принципе, и для всей современной западной поп-музыки). Музыканты экспериментируют: как, например, в заглавном треке **«HandsAllOver»**, где Maroon 5 поднимаются чуть ли не до чистого рока с выверенным ритмом и гитарными партиями. Кроме того, экспериментом стала и **«Out Of Goodbyes»**, записанная с **Lady Antebellum**, кантри-трио из Нэшвилла. Более пристального внимания заслуживают и **«How»** (на мой взгляд, самая открытая песня в альбоме), **«Never Gonna Leave This Bed»** (с лирической историей расставания и возвращения), **«Get Back In My Life»** и **«Runaway»**.

Жизнь – удивительная штука: то взлетит вверх, то рухнет вниз. Но мне кажется, что Maroon 5 готовы покорить новые вершины. По мнению некоторых музыкальных критиков, этот альбом по меньшей мере не уступает **«Songs About Jane»**. Кто знает, быть может, квинтету из Лос-Анджелеса удастся вновь завоевать Грэмми?

Дмитрий ГОРСКИЙ,
4 курс

с Кирой Шумской

Вам понравится мини-юбка, сшитая из ношеного маминого платья? А как насчет новых фильмов, которые созданы из старых, давно забытых? Разговор пойдет о так называемых «ремейках», которые сейчас плодятся как кролики. Я уже начала сомневаться, что современные режиссеры способны снимать что-то свое. Проще взять старый забытый фильм, или старый, но всеми любимый, и снять его на современную камеру, с новыми актерами и парочкой реплик, так сказать, «на современный лад».

К чему я все это? Дело в том, что в феврале 2011 года внимание зрителей будет представлен ремейк комедии Эльдара Рязанова и Эмиля Брагинского «Служебный роман». Правда, за название следует приписка: «Наше время». Идея создателей фильма – пересказать любимый сюжет для нового поколения зрителей.

Если честно, после просмотра парочки эпизодов со съемок, где в образе Верочки, секретарши Людмилы Прокофьевны, будет Паша Воля, который в фильме к тому же еще и гей, мне стало не по себе... Актеры, снимавшиеся у Рязанова, отрицательно относятся к такому осовремениванию классики советского кино,

но к их заявлениям никто не прислушивается: с начала 2000-х годов в России снято больше десятка ремейков и сиквелов легендарных фильмов, и процесс только набирает ход. Что ж, скоро выйдет ремейк «Служебного романа», и ничего с этим не поделаешь, только вот вряд ли этот фильм сможет затмить любимейшую комедию Эльдара Рязанова...

Сколько пересмотрела ремейков, столько раз разочаровалась, потому что не могу видеть, как «прыгнула» Лиза Боярская

в «Иронии судьбы. Продолжение», пытаясь изобразить игру Барбары Брыльски. Как говорил Станиславский: «НЕ верю!». И не потому, что не хочу верить, а потому, что убеждена: если уж берешься за классику – делай это очень осторожно, все силы души вкладывай в работу, ведь ответственность

просто колossalная. На «переделку» обязательно обращают внимание, поскольку впечатление от оригинала всегда живет в сердцах зрителей.

Не все, конечно, ре-

вался весь ужас кошмарной улицы с маньяком-убийцей, который наводит страх на местных подростков? У режиссеров явно не хватило фантазии по-новому взглянуть на персонаж, хотя попытка была. Из этого, правда, ничего не вышло. Получился изрядно скучный, явно не доработанный ни в сценарии, ни в актерской игре фильм.

То же самое касается и таких знаменитых ужастиков, как «Пятница, 13» и «Хэллоуин», снятый Робом Зомби. Уж лучше бы Роб продолжал заниматься музыкой, а не лез в режиссуру, да еще и с ремейками. Опять же, оригинальный фильм «Хэллоуин» вызывал настоящий ужас, постоянно держал зрителя в напряжении. Так и хотелось спрятаться под одеяло, когда несчастные герои ходили по дому и кричали: «Кто здесь?», а маньяк-

убийца Майк Майерс уже поджидал их с ножом за дверью. Страшно! Чего не скажешь о ремейке этого фильма. Ходит маньяк, режет всех напропалую, много крови, сплошная поножовщина. Смотреть не страшно, а противно.

Как бы вы ни относились к ремейкам, они все равно будут существовать. Можно десятый раз снимать какой-нибудь заезженный сюжет, каждый раз добавляя новые глупости, а можно сделать и хорошую, улучшенную «новую версию» старой идеи. Почему бы и нет?

Ремейки: страшное явление, извращающее классику, или способ «освежить» старое?

ремейки так уж неудачны. Вот, например, **Никита Михалков** тоже переснял фильм американского режиссера **Сидни Люмета** «Двенадцать разгневанных мужчин». Речь идет о знаменитой картине «12». Когда за дело берется профессионал, даже интерпретация становится новой классикой.

Чего не скажешь о ремейках американских ужастиков. Если в детстве я обожала «Кошмар на улице Вязов», то страшно разочаровалась, дождавшись наконец версию 2010 года. И куда поде-